

Константин Труфанов

ПРОТОКОЛ 317

«Если все знают правду —
почему никто ничего не делает?»

18+

РЕАЛЬНОЕ ДЕЛО • НАСТОЯЩИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ • ЧУЖИЕ МОЛЧАНИЯ

Константин Труфанов

Протокол 317

«Автор»

2026

Труфанов К. С.

Протокол 317 / К. С. Труфанов — «Автор», 2026

«Почему никто не видит?» Шестнадцатилетняя Катя задала этот вопрос в 1988 году. Через несколько часов она погибла. Тридцать шесть лет спустя петербургский следователь Олег Серов находит тело девушки с идеально завязанными шнурками на ботинках. Слишком аккуратно для мороза. Слишком чисто для случайности. Старая архивная папка с номером 317, анонимный форум в даркнете, череда странных смертей и одна и та же деталь — шахматные фигуры на груди убитых. Кто-то вершит правосудие там, где молчит закон. Олег быстро понимает: он ищет не одного убийцу. Он столкнулся с системой. С идеей, которая десятилетиями превращает обычных людей в палачей. Которая пережила своих создателей. Идеи не умирают. Их можно только остановить. Но какова цена?

© Труфанов К. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1. Девочка из Парка Победы	9
Глава 2. Узел на шнурках	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Протокол 317

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть преступления, которые остаются в архивах.

Они ложатся на полку, покрываются пылью, их номер забывают, их суть перестаёт волновать живых. Следователь уходит на пенсию, свидетель умирает, жертва превращается в статистику. Дело закрыто. Мир продолжает вращаться.

В Петербурге таких дел — тысячи. В каждом районном отделе, в каждом городском архиве, в подвалах, где хранятся папки с надписью «Утиль», лежат миллионы страниц, исписанных казённым языком. *«Причина смерти не установлена»*. *«В возбуждении уголовного дела отказано»*. *«За отсутствием состава преступления»*. Чиновники любят эту фразу. Она закрывает любую дыру, латает любую несправедливость, усыпляет любую совесть.

Есть преступления, которые остаются в памяти.

Их пересказывают шёпотом на кухнях, когда гости разошлись, а водка ещё не кончилась. О них пишут журналисты, когда заканчиваются свежие новости и нужно заполнить полосу. Их детали обрастают слухами, как старый корабль обрастает ракушками. Со временем они становятся городскими легендами. Страшными сказками, в которые почти невозможно поверить. Но которые никогда не забываются до конца.

В каждом районе есть своя страшилка. На Лиговке — про маньяка, который вырезал семьи. На Охте — про подвалы, где держали детей. В Купчино — про девочку, которая замерзла на скамейке в Парке Победы и до сих пор бродит по аллеям в поисках справедливости.

А есть преступления, которые остаются в людях.

Они не заканчиваются с приговором суда. Не исчезают со смертью палача. Не сгорают в архивах. Они входят в кровь. Оседают в характерах. Меняют химию решений. И начинают жить собственной жизнью — переходя от одного человека к другому, как наследственная болезнь, которую не видно, пока не становится слишком поздно.

Они живут годами.

Десятилетиями.

Полвеками.

Они переходят от отца к сыну. От учителя к ученику. От спасителя к жертве. От следователя к преступнику.

Они меняют судьбы. Разрушают семьи. Создают монстров. И продолжают существовать даже после смерти тех, кто их совершил. Потому что преступление — это не только действие. Это ещё и вопрос, который остаётся без ответа. А вопросы, в отличие от людей, умирают очень неохотно.

Эта история начинается с одного вопроса.

Очень простого вопроса.

Настолько простого, что большинство взрослых предпочитают его не задавать. Потому что боятся услышать тишину в ответ. Или, что ещё страшнее, — услышать правду.

В августе 1988 года шестнадцатилетняя девочка по имени Катя сидела на скамейке в Парке Победы и пыталась понять то, что не смогли понять опытные следователи, прокуроры и сотрудники милиции.

В её плеере играла старая кассета — голос отца, записанный за год до его смерти. Он объяснял что-то про перекрёстные допросы. Катя слушала вполуха. Она уже знала это наизусть. Ей нужно было другое.

Она смотрела на старые документы.

На забытые дела.

На фамилии, которые повторялись слишком часто для случайности.

На подписи, которые принадлежали людям, которых уже не было в живых.

На совпадения, которые никто не хотел замечать.

На коленях у неё лежала раскрытая тетрадь. Потёртая, в дешёвой клеёнчатой обложке, купленная в канцелярском магазине на проспекте Ветеранов. Три рубля двадцать копеек. Катя помнила эту цену, потому что тогда пожалела деньги. Сейчас тетрадь была исписана почти полностью. Фамилии, стрелки, номера дел, даты, вопросительные знаки, восклицательные знаки — и одна и та же фраза, повторяющаяся на каждой странице: *«Почему никто не видит?»*

Она не знала, что эта тетрадь станет её единственным памятником.

Она не знала, что через несколько часов кто-то вырвет из неё несколько страниц.

Она не знала, что остальные сохранятся и через тридцать шесть лет попадут в руки человека, который задаст те же вопросы.

Она просто сидела на скамейке, жуя подтаявшее мороженое, и смотрела на старые документы. Вокруг гуляли семьи. У фонтана смеялись дети. Старики у шахматных столов спорили о ходе партии. Мир выглядел спокойным, правильным, безопасным.

И задавала вопрос.

Почему?

Почему одни дела исчезают, а другие остаются?

Почему одни люди оказываются неприкасаемыми — не потому что у них есть власть, а потому что никто не хочет к ним прикасаться?

Почему все знают правду — следователи знают, прокуроры знают, журналисты знают, даже уборщица в управлении знает, — но никто ничего не делает?

Катя не знала, что это её последний вопрос.

Через несколько часов она погибнет.

А её вопрос останется.

На долгие годы.

На десятилетия.

На целую жизнь.

Иногда кажется, что зло всегда выглядит одинаково.

Что у него есть лицо. Имя. Адрес. Номер телефона. Удобная биография, по которой можно проследить, где именно хороший человек свернул не туда.

Что достаточно найти преступника — и проблема исчезнет. Как опухоль, которую вырезал хирург. Как гнилой зуб, который вырвали.

Но жизнь устроена иначе.

Совсем иначе.

Иногда зло приходит с ножом. И тогда всё просто — кровь, крик, погоня, наручники.

Иногда с пистолетом. Тогда чуть сложнее, но суть та же.

Иногда с улыбкой. Тогда сложнее всего, потому что улыбка обезоруживает быстрее любого оружия.

Иногда с благими намерениями. Тогда разобраться почти невозможно, потому что человек, который желает добра, всегда кажется себе правым. А убеждённый в своей правоте человек не слышит аргументов.

Иногда оно выглядит как человек, который искренне хочет сделать мир лучше. Который устал от несправедливости. Который видел слишком много страданий и решил, что имеет право остановить их любой ценой.

Именно поэтому самые страшные истории редко бывают про чудовищ.

Чудовищ легко ненавидеть. Легко заключать в клетку. Легко забыть, когда приговор приведён в исполнение.

Самые страшные истории бывают про обычных людей.

Про тех, кто однажды утром проснулся и решил, что знает правильный ответ.

Про тех, кто посмотрел на хаос вокруг и сказал: «Я наведу порядок».

Про тех, кто хотел спасти мир.

Любой ценой.

В этой книге нет абсолютно хороших людей.

Но почти нет и абсолютно плохих.

Здесь есть следователь, который ищет правду — не потому что хочет справедливости, а потому что не умеет жить иначе. Потому что правда для него — как наркотик. Каждая новая деталь вызывает боль, но без этой боли он не чувствует себя живым.

Здесь есть старик, который слишком долго жил с памятью о собственных ошибках — и привык к этой боли настолько, что она стала частью его лица. Он уже не помнит, каким был до Кати. Он помнит только после.

Здесь есть женщина, которая однажды решила защитить общество и зашла слишком далеко — так далеко, что уже не могла вернуться, даже когда поняла это. Она перестала спать по ночам. Она перестала видеть сны. Она превратилась в тень собственной идеи.

Здесь есть те, кто стал жертвами системы.

И есть те, кто сам превратился в её часть — иногда по принуждению, иногда по глупости, иногда просто потому что так было проще. Потому что легче плыть по течению, чем грести против.

Это история не про маньяков. Не про заговор в стиле «масонский след». Не про тайную организацию с кольцами и паролями.

Это история про идею.

Про опасную идею, которая пережила своих создателей.

Про идею, которая оказалась сильнее людей, которые её придумали.

Про идею, которая не требует лидера, чтобы распространяться — потому что люди сами доходят до неё, каждый своим путём, и каждый думает, что это его собственное открытие.

Это история про вопрос, на который человечество пытается ответить уже много веков. Сократ спрашивал. Августин отвечал. Гоббс спорил. Руссо плакал. Кант строил схемы. Ницше смеялся. А вопрос оставался.

Что важнее?

Свобода?

Или безопасность?

Справедливость?

Или порядок?

И сколько жизней можно пожертвовать ради правильного ответа?

Ответа на этих страницах не будет.

Потому что автор его не знает.

Потому что никто не знает.

Потому что некоторые вопросы каждый человек должен решить сам — в тишине собственной совести, без подсказок, без инструкций, без возможности переиграть.

А наша история начинается в тот день, когда один следователь впервые замечает странно завязанные шнурки на ботинках мёртвой девушки.

И ещё не знает, что этот маленький двойной узел — такой аккуратный, такой правильный, такой неуместный на морозе — приведёт его к тайне длиной почти в полвека.

Которая начиналась не в кабинетах КГБ.

Не в лабораториях психологов.

Не на совещаниях высоких чинов.

А на старой скамейке в Парке Победы.

Где шестнадцатилетняя девочка задала вопрос, который взрослые люди пытались не замечать тридцать шесть лет.

Добро пожаловать в Протокол 317.

Глава 1. Девочка из Парка Победы

Часть 1. Тетрадь за три рубля двадцать копеек

Августовский вечер в Ленинграде был тёплым, почти праздничным.

Таким бывают только последние дни лета — когда солнце ещё не сдалось, но воздух уже начинает отдавать осенью лёгкой горечью. В Парке Победы пахло листвой, пылью, мороженым и дешёвой газировкой из автоматов, которые стояли у входа с незапамятных времён.

На дорожках гуляли семьи. Мужчины в рубашках с коротким рукавом, женщины в лёгких платьях, дети, которые никак не хотели успокаиваться перед школой. У летнего кафе играла музыка — что-то советское, мелодичное, про любовь и дороги. Пожилые мужчины у шахматных столиков спорили так ожесточённо, будто от следующего хода зависела судьба страны.

Никто не обращал внимания на девушку на скамейке.

А если и обращал, то видел обычную картину: худые коленки, старые джинсы, выцветшая футболка, кассетный плеер с заезженной кассетой. Подросток, который делает вид, что учится, а на самом деле мечтает о мальчишке или о новой пластинке.

Никто не умел смотреть внимательно.

А если бы умел — увидел бы нечто другое.

На коленях у Кати Лебедевой лежала раскрытая тетрадь. Потёртая, в клеёнчатой обложке, которую она купила в канцелярском магазине на проспекте Ветеранов за три рубля двадцать копеек. Тетрадь была исписана почти полностью. Катя сэкономила каждую страницу — писала мелко, убористо, заполняя поля, оставляя только самые важные цитаты для красного карандаша.

На страницах были фамилии.

Стрелки.

Номера дел.

Пометки на полях — одни аккуратные, другие размашистые, когда мысль не успевала за рукой.

Аккуратные линии, соединяющие одно с другим. Красные кружки вокруг дат. Жирные вопросительные знаки там, где логика спотыкалась. И одна и та же фраза, написанная в углу каждого разворота: «*Почему никто не видит?*»

Рядом с тетрадью валялся карандаш, огрызок яблока и подтаявшее мороженое в вафельном стаканчике, про которое Катя давно забыла.

Она поймала себя на мысли, что смотрит на белое пятно на листе и не видит ничего уже пять минут.

— Нет... тогда не сходится, — тихо сказала она самой себе.

Катя снова провела линию между двумя фамилиями. Потом ещё одну. Потом обвела дату — 15 марта 1985 года.

Она нахмурилась.

Отодвинула тетрадь на несколько сантиметров, будто хотела посмотреть на неё со стороны.

Потом придвинула обратно.

Провела новую линию.

И вдруг всё встало на свои места.

Не полностью. Не окончательно. Но первый раз за три месяца она увидела не просто набор странных совпадений. Она увидела систему. Тонкую, почти незаметную, но явно существующую.

Катя выпрямилась на скамейке и медленно выдохнула.

Обычная девочка на обычной скамейке.

И только тот, кто умел смотреть по-настоящему внимательно, понял бы: она только что нашла то, что взрослые люди годами старались не замечать. То, что заставило бы опытных следователей побледнеть. То, из-за чего её отец потерял сон за два года до своей смерти.

Она снова посмотрела на линии, на даты, на фамилии.

И тихо, почти шёпотом, произнесла:

— Так вот почему...

Она не договорила.

Потому что в этот момент у входа в парк остановилась милицейская «Волга».

Часть 2. Оперативный выезд

Из машины вышли двое.

Владимир Серов — тридцать один год, следователь, собранный, уверенный, ещё не уставший от жизни. Высокий, с тёмными волосами, зачёсанными назад, и внимательным взглядом, который женщины называли «пронзительным», а мужчины — «неприятным». На нём была гражданская куртка, но его выдавала осанка: люди в погонах всегда стоят чуть прямее, чем нужно для комфорта.

И Сергей Ковалёв — на год младше, оперативник, молчаливый, сухой, с таким взглядом, будто он сначала замечал детали, а уже потом людей. Он не смотрел на прохожих — он их сканировал. Руки держал в карманах куртки, но любой, кто знал его характер, понимал: в любой момент эти руки могут оказаться где угодно. Он был из тех, кого называют «надёжный». И из тех, про кого шепотом добавляют — «опасный».

Ковалёв первым увидел Катю.

— Опять здесь, — сказал он, кивнув в сторону скамейки.

Серов посмотрел в ту же сторону и улыбнулся. Не служебной улыбкой, а тёплой, почти отцовской.

— Кто?

— Твой маленький следователь.

Серов усмехнулся, доставая пачку сигарет. Беломор. Дешёвые, крепкие, с запахом, который выветривается только через час.

— Она умнее половины управления.

Ковалёв не улыбнулся. Он смотрел на Катю, на её ссутуленные плечи, на то, как она вцепилась в тетрадь, будто боялась, что кто-то отнимет.

— Это меня и пугает, — сказал он.

Они подошли ближе.

Катя заметила их почти сразу — у неё всегда была хорошая реакция. Соскочила со скамейки, прижимая к груди тетрадь, и побежала навстречу, спотыкаясь о собственные ноги. Длинные волосы разлетались, лицо светилось — не от радости, от возбуждения.

— Дядя Володя!

Серов развёл руками, пряча улыбку.

— Ну что опять?

— Я кое-что нашла.

— Опять?

Он сказал это мягко, почти ласково. Но Ковалёв заметил, как взгляд Серова на секунду стал серьезнее.

— Нет. На этот раз серьёзно.

Катя говорила быстро, торопливо, будто боялась, что мысли ускользнут, если не высказать их сразу.

— На этот раз по-настоящему.

Ковалёв, который до этого смотрел на неё почти равнодушно, поднял глаза.

— Что именно?

Катя раскрыла тетрадь и торопливо показала несколько страниц. Её палец бегал по линиям, по стрелкам, по обведённым датам.

— Смотрите. Вот эти дела. Разные районы. Разные следователи. Но свидетели исчезали одинаково. Сначала дают показания, потом забирают заявление, потом пропадают. У всех разные причины — переезд, болезнь, несчастный случай. Но если посмотреть на даты...

Она перевернула страницу.

— Здесь всё совпадает с графиком. Следователь получает дело, через две недели допрашивает свидетеля, ещё через неделю свидетель исчезает.

Серов взял тетрадь. Улыбка с его лица исчезла не сразу. Сначала она просто ослабла, будто он ещё пытался удержать привычную роль взрослого, который снисходительно слушает умного ребёнка.

Потом он увидел подписи.

Одну. Вторую. Третью.

Одни и те же буквы. Один и тот же наклон. Один и тот же росчерк, который невозможно было подделать.

Ковалёв наклонился ближе. Его лицо оставалось бесстрастным, но Катя, если бы смотрела внимательнее, заметила бы, как побелели костяшки его пальцев.

Катя продолжала:

— А здесь официально разные фамилии. Смотрите, здесь подпись следователя Иванова. А здесь — Петрова. Но почерк один. Видите? Вот эта буква «д» — с петлёй внизу. И здесь такая же. И здесь. Это один человек. Кто-то подписывал документы чужими фамилиями.

Серов молчал.

Ковалёв спросил тихо — так тихо, что Катя едва расслышала:

— Кому ты это показывала?

Катя пожала плечами. Она ещё не понимала, почему вопрос задан таким тоном.

— Да всем.

— Кому именно?

— Ну... следователям. Двоим. Архивистке одной, тёте Гале. Папиному знакомому из прокуратуры. Ещё...

— Ещё кому?

В голосе Ковалёва что-то изменилось. Сталь. Катя впервые это заметила.

— Да никому вроде. А что?

Серов и Ковалёв переглянулись.

Это был долгий взгляд — такой, каким обмениваются люди, которые работают вместе много лет и понимают друг друга без слов. В этом взгляде было всё: тревога, сожаление, злость на себя за то, что не доглядели, и мгновенное, холодное решение.

— Катя, — сказал Серов, беря её за плечи. — Слушай меня внимательно. Ты сейчас берёшь тетрадь, идёшь к машине и ждёшь нас. Мы с дядей Серёжей поговорим пять минут, и мы уезжаем.

— Куда?

— Подальше отсюда.

— Зачем?

— Потому что, — Серов посмотрел ей прямо в глаза, — ты нашла то, что очень многие хотели бы спрятать. Навсегда.

Она хотела возразить, но что-то в его лице остановило её. Она кивнула и пошла к машине, крепко прижимая тетрадь к груди.

Когда Катя отошла достаточно далеко, Ковалёв закурил.

Выдохнул дым.

Посмотрел в небо.

Сказал:

— Её нужно увезти. Сегодня.

— Я знаю.

— Ты знаешь, кто это может быть?

— Догадываюсь.

— Я тоже. — Ковалёв затушил сигарету о подошву ботинка. — И догадываюсь, что будет, если мы опоздаем.

Они смотрели, как Катя садится на заднее сиденье «Волги». Она что-то писала в тетради, даже сейчас. Её губы шевелились — она проговаривала свои мысли вслух, как делала всегда, когда была увлечена.

— Она умрёт, — сказал Ковалёв. — Если мы не успеем.

— Не говори так.

— Я не говорю. Я констатирую факт. — Он повернулся к Серову. — Ты видел, что она нашла? Это не просто совпадения. Это схема. Кто-то очень умный и очень циничный строит сеть. И Катя наткнулась на неё. Случайно. Или не случайно.

— Ты думаешь, её подставили?

— Я думаю, что её отец знает больше, чем говорит. И что тётя Галя сломала ногу не случайно. И что те двое следователей, которым Катя показывала тетрадь, уже небось пишут рапорты о переводе в другой город.

Серов молчал. Потому что знал — Ковалёв прав.

— Куда повезём? — спросил Ковалёв.

— За город. К моему старому знакомому. Там тихо. Никто не найдёт.

— Найдёт, если захочет.

— Не найдёт, — твёрдо сказал Серов. — Я позабочусь.

Часть 3. Лесная дорога

Лесная дорога была тёмной.

Совсем тёмной — такой, где фары выхватывают из черноты только то, что прямо перед носом, а остальное остаётся загадкой. Сосны стояли по обе стороны, как часовые, которые молчат уже тысячу лет.

Машина шла неровно — старая «Волга» не любила грунтовок. Подвеска скрипела, двигатель надрывался, колёса то и дело попадали в ямы.

Катя сидела сзади, прижав к себе тетрадь. Она смотрела в окно, но видела только собственное отражение и иногда — мелькающие стволы деревьев.

— Мне надоело.

Серов смотрел на дорогу. Он вёл машину молча, сосредоточенно, не отвлекаясь.

— Потерпи.

— Нет. Я хочу домой.

— Катя...

— Я сказала, хочу домой!

Машина остановилась слишком резко. Двигатель заглох. Тишина ударила по ушам. Даже сверчки замолчали.

Катя открыла дверь и выскочила наружу.

— Катя! — крикнул Серов.

Ковалёв выругался — негромко, сквозь зубы — и бросился следом.

Она бежала не потому, что хотела сбежать. Она просто хотела вернуть себе контроль. В шестнадцать лет человеку кажется, что если он побежит достаточно быстро, взрослые перестанут решать за него. Если он закричит достаточно громко, его услышат. Если он сделает что-то достаточно резкое, мир изменится.

В темноте хрустели ветки.

Катя не видела, куда бежит. Только чувствовала под ногами траву, корни, ямы. Только слышала собственное дыхание и крики за спиной.

Потом был крик.

Короткий. Нелепый. Словно кто-то начал говорить и не закончил.

И сразу после него — тишина.

Такая тишина, которая бывает только в лесу, когда всё живое замирает. Когда птицы перестают петь. Когда насекомые прячутся. Когда сама природа задерживает дыхание.

Ковалёв добежал первым. Он всегда был быстрее.

Остановился.

Не сказал ни слова.

Через несколько секунд подоспел Серов. Он увидел лицо Ковалёва — и понял всё. Не нужно было смотреть на землю. Достаточно было посмотреть на друга.

Тела читатель не увидит.

Потому что самые страшные вещи не нуждаются в описании.

Серов стоял неподвижно, будто кто-то вынул из него всё живое. Глаза открыты, но не видят. Руки опущены, но не расслаблены — окаменели.

Ковалёв смотрел вниз и не моргал. Потом медленно поднял голову. Посмотрел на Серова. Никогда в жизни он не видел такого лица у своего друга.

— Это не мы, — прошептал Ковалёв. — Мы не успели.

— Знаю.

— Кто?

— Не знаю. Но узнаю.

Лес молчал.

Ветра не было.

Даже ночные птицы притихли.

Ковалёв опустился на колени. Осторожно, будто боялся причинить боль, закрыл глаза Кати. Потом поднял тетрадь. Обгоревшую по краям. С вырванными страницами.

Он открыл её. Пролистал.

— Некоторые страницы вырваны.

— Кто?

— Не мы.

Они переглянулись. В темноте леса этот взгляд был красноречивее любых слов.

Кто-то успел раньше. Кто-то знал, куда они едут. Кто-то ждал.

— У нас проблема, — сказал Ковалёв.

— У нас не проблема, — ответил Серов, глядя на тетрадь. — У нас война.

Наутро Парк Победы снова был обычным.

Люди гуляли. Дети ели мороженое — новое, свежее, не успевшее подтаять. Старики спорили над шахматной доской, и никто не мог доказать, что чёрные проиграли из-за глупой ошибки.

На той же скамейке сидел Серов.

В руках он держал тетрадь Кати. Обгоревшую по краям. Испачканную землёй. Пятнами, которых он старался не замечать.

Он перелистывал страницы.

Фамилии.

Стрелки.

Подписи.

Детская попытка разобраться в том, во что взрослые боялись даже смотреть.

Ковалёв подошёл и остановился рядом. Долго молчал. Потом заговорил — и голос его звучал так, будто он натирал стекло наждачной бумагой.

— Что будем делать?

Серов смотрел на страницы. На линии, которые Катя провела. На вопросительные знаки, которые она рисовала в каждом углу. На фразу, написанную на последней странице — крупно, в три строки: *«Почему никто ничего не делает?»*

— Найдём, кто это сделал.

— А если это те, кого мы знаем?

Серов поднял глаза на Ковалёва. Красные. Пустые. Словно кто-то выключил свет за стеклом.

— Тем более.

С этого утра Владимир Серов перестал быть тем человеком, которым был вчера.

Он продолжал ходить на работу. Продолжал вести дела. Продолжал разговаривать с людьми. Но внутри него поселилась пустота, которую нельзя было заполнить ни работой, ни водкой, ни временем.

С этого утра Сергей Ковалёв начал войну, которую не смог закончить за тридцать шесть лет.

Он не мстил. Не искал виноватых. Не строил заговоров. Он просто не мог забыть. И решил, что если не может забыть — значит, должен помнить. За всех. Навсегда.

А женщина с тихим голосом сделала первый шаг к системе, которая однажды получит номер 317.

Она не планировала убивать Катю. Она хотела её спасти. Или хотя бы спрятать. Но когда случилось непоправимое, она сделала единственное, что умела лучше всего — начала анализировать. Поняла ошибки. Выстроила новую схему. Создала протокол.

Позже, много лет спустя, в старом архиве найдут кассету.

Голос Кати.

Сначала смех — звонкий, девичий, тот, который невозможно подделать. Её смех был заразительным. Тётя Галя, которая работала в архиве, говорила, что, когда Катя смеялась, даже старые папки на полках начинали улыбаться.

Потом шорох плёнки — Катя перематывала, искала нужное место.

Потом её вопрос.

Живой. Детский. Страшный в своей простоте.

— Если все знают правду... почему никто ничего не делает?

Ответа на кассете нет.

Только тишина.

А затем — другой город, другое время и человек, которому придётся искать этот ответ уже после того, как все остальные научились жить без него.

Санкт-Петербург.

Тридцать шесть лет спустя.

Глава 2. Узел на шнурках

Ч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.